

В. М. ПАВЛОВ

ПОНЯТИЕ ЛЕКСЕМЫ
И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ
СИНТАКСИСА
И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. М. ПАВЛС

ПОНЯТИЕ ЛЕКСЕМЫ
И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ
СИНТАКСИСА
И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ответственный редактор

В. Г. АДМОНИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

В книге с позиций теории речевой деятельности определяется содержание понятия лексемы как элементарной языковой номинативной единицы, вовлекаемой в синтаксические построения. Предлагаемый теоретический подход позволяет выявить закономерную полифункциональность форм словосочетания, сложного и суффиксального производного слова в их отношениях к синтаксису и к лексикону и устранить противоречия в функциональных характеристиках этих форм. Большое внимание уделяется анализу переходных, промежуточных образований в исследуемой области явлений русского, немецкого и других языков.

Книга предназначена для специалистов по общему языкознанию, грамматике, лексикологии и лексикографии.

Рецензенты

В. П. Берков, Е. А. Реферовская

1. ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ И ЯЗЫК КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОГРАММ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В заглавии книги названа проблема отношений синтаксиса и словообразования. Предстоит рассмотреть ряд вопросов, которые относятся к теоретическому контексту понятий «синтаксис» и «словообразование» и предлагаемые решения которых определяют направления анализа проблемы отношений синтаксиса и словообразования. Начиная с раздела 6 в книге идет речь о немецком языке. Факты немецкого языка составляют в исследовании основную эмпирическую базу для выявления «острых углов» проблемной теоретической ситуации. Вместе с тем освещение вопросов, которые находятся в ведении теоретической грамматики немецкого языка и рассматриваются в специальной германистической литературе, может представлять известный самостоятельный интерес. Привлечение материала других языков, прежде всего русского (преимущественно в разделах о словосочетании, в частности об атрибутивном словосочетании с относительным прилагательным), а также отдельные межъязыковые сопоставления соответствуют постановке проблемы, которой посвящена настоящая работа, в общелингвистическом плане.

Уровень ясности и определенности научной мысли на всех этапах ее развития, ведущего к известному результату в виде научного знания, а вместе с тем и доступность анализа проблемы и его итогов критике существенным образом зависят от эксплицитности анализа проблемы начиная с исходных предпосылок, на которых он основывается. Исходность всяких исходных предпосылок, разумеется, относительна. Несомненно, однако, что изначальной предпосылкой всякого языкознания является существование языка. Это очевидно. И из этой очевидности следует, что способы постановки лингвисти-

ческих проблем любого уровня обобщенности, от наиболее глобальных до самых частных, зависят в конечном счете от того, как понимается объект языкознания, от того, каким образом лингвист отвечает на вопрос о характере его существования («где» и «как» существует язык?), какими представлениями о системности этого объекта лингвист руководствуется в своей деятельности, выделяя в нем для исследования определенные элементы, подсистемы, «уровни», аспекты. Не нуждается в доказательствах весьма непосредственный характер зависимости представлений о природе языка от методологических позиций, из которых исходит тот или иной исследователь, та или иная лингвистическая школа.

Природе объекта языкознания посвящена обширная научная литература, детальный критический анализ которой не входит в задачи работы. В ее вступительной части мы ограничиваемся минимумом соображений о «языке», необходимых для аргументации избираемого ракурса проблемной ситуации в лингвистической теории, для определения конкретных задач исследования и типов языкового материала, представляющих для исследования особый интерес, для выбора методов разработки этого материала. Следует вместе с тем считаться с великой сложностью и с дискуссионностью вопросов, непосредственно относящихся к проблеме сущности языка, и, следовательно, отдельными лаконичными замечаниями по этой проблеме обойтись нельзя. Постановка проблемы отношений (связей) синтаксиса и словообразования требует в качестве своей предпосылки определенного освещения более широкой проблемы, проблемы основных характеристик устройства языка как системно организованного объекта. Попытка обосновать тот или иной способ внутреннего членения языка, тот или иной взгляд на иерархию его «частей», «сторон», «подсистем» может быть более или менее успешной только при условии, что сначала будут так или иначе определены специфические фундаментальные признаки объекта как целого, выделяемого из его «надсистемных» связей.

Вопрос об отношении понятия «язык» к некоторой объективной реальности логически предшествует вопросу об отличительных особенностях этой реальности. «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят».¹ Добавим — и вообще каким-либо анализом

объекта познания. Методологический принцип категориального осмысления всякой объективной реальности, составляющей основу формирования предметов научной познавательной деятельности, лаконично сформулирован в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельсом: «Действительное единство мира состоит в его материальности». ² Язык определяется как явление материальное — семиотическая, знаковая система особого рода. ³ Оставляя здесь в стороне вопрос о том, как с утверждением о материальности языка согласуется, как в это положение «вписывается» идеальность его семантической «стороны», вопрос и ответственный, и весьма сложный, освещение которого, однако, может быть из данной работы исключено, ⁴ обратимся к отношению «язык — речь», так как то или иное онтологическое представление о языке непосредственно связано с определенным гносеологическим образом этого отношения. Многообразие подходов и предлагаемых решений вопроса об отношении «язык — речь» кратко, но с достаточной полнотой освещено Б. А. Серебренниковым в одном из разделов книги «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка», ⁵ к которой мы здесь отсылаем, чтобы сосредоточить внимание только на самом существенном с точки зрения задач настоящей работы.

А. А. Братко и А. Н. Кочергин следующим образом формулируют «принцип существования» — один из принципов научного отображения мира: «ни один материальный объект не может существовать иначе как в пространстве, во времени и в некоторой определенной форме (имеет ту или иную организацию, структуру)». ⁶ Вопрос о материальности языка включает в себя вопрос о самостоятельности его предметного бытия. Не следует смешивать этот вопрос с вопросом о диалектическом единстве — и объективности существования — сторон, моментов триады «общее», «особенное» и «единичное»: утверждение об объективности существования «общего» в «единичном» не есть утверждение о существовании «общего» как самостоятельного объекта. Это имеет самое непосредственное отношение к основному, как мы полагаем, расхождению во взглядах на объективность существования языка. Обстоятельному обсуждению эта проблема подвергается в работе А. И. Смирницкого «Объективность существования языка». ⁷ Интересная работа А. И. Смирницкого обнажает противоречие между

двумя противоположными «онтологиями» языка, заостряет внимание на этом противоречии, но не разрешает его. С одной стороны, утверждается следующее: «Нельзя отрицать, что такое явление, как десоссюровское *langue*, вообще существует: «ассоциации» смысла и звукового образа не плод фантазии, и они имеют материальную физиологическую базу. Но это — лишь отпечатки, отображение языка в сознании говорящих на нем, владеющих им. Таким образом, следует отличать подлинное, объективное существование языка в речи от существования его отображения в сознании, т. е. от знания данного языка. То, что де Соссюр называет *langue*, есть в действительности именно знание языка, а не сам язык как таковой».⁸ С другой стороны, язык («как таковой», «подлинно объективный», т. е. не «знание языка»?) характеризуется и как средство построения речевых произведений: «И будучи особым ингредиентом речи, средством, применяемым в ней, он может быть выделен из нее, обособлен, как предмет специального исследования».⁹ Каким образом язык, именно язык «как таковой», как «средство, применяемое в речи», попадает в нее, становится ее «ингредиентом», если «подлинное, объективное существование» языка исходным образом полагается только в той же речи, а ее «производитель», говорящий индивид, владеет не языком («как таковым», а лишь его отображением, его знанием (знание же принципиально не совпадает с объектом знания, не тождественно ему), остается невыясненным. Заметим еще, что А. И. Смирницкий мимоходом делает примечательную оговорку об «отпечатках» («лишь отпечатках») языка «в сознании говорящих на нем, владеющих им»: как говорящие могут «владеть» языком, если они «владеют» «лишь» его «отображениями» в виде соответствующих «ассоциаций»?

Здесь явственно проступают контуры *circulus viciosus*. А. И. Смирницкий, признавая действительный факт существования «индивидуальных языков», запечатленных в виде особого рода психофизиологических «функциональных систем»,¹⁰ но не найдя способа перехода от индивидуального к общественному в характеристиках природы языка, недостаточно решительно отходит от позиции, в соответствии с которой язык воплощен в тождественных, повторяющихся элементах речи, более того — «речевых произведений», представлен в них как сущностное общее в глобальной совокупности являющихся

единичных — и иного модуса существования не имеет. Излишне доказывать, что такое понимание способа существования языка не согласуется и не может быть согласовано с определением языка как средства, при помощи которого осуществляется единство общения и обобщения.¹¹ Напомним также, сколь решительно Л. В. Щерба, развивая идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, боролся с «чистым номинализмом, считающим, что языковая система, т. е. словарь и грамматика данного языка, является лишь ученой абстракцией».¹²

Понимание языка как общественного феномена, способом существования которого являются психофизиологические функциональные системы индивидов, ответственные за осуществление процессов речевой деятельности, ею же и обусловленные в своем формировании и функционировании, до сих пор нельзя, видимо, считать общепризнанным даже в среде лингвистов, стремящихся развивать языкознание на единой основе диалектико-материалистической методологии. Известную трудность на пути такого подхода к решению вопроса об онтологическом статусе языка представляет необходимость преодоления барьера между атрибутами «социальное» и «индивидуальное», которые надлежит приписывать одной и той же реальности. Это мнимое затруднение. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин дали в свое время блестящие образцы анализа теоретических ситуаций, в которых путаники от философии воздвигали искусственные перегородки, например, между «надындивидуальностью» «извечных» «идей» и феноменами «индивидуального сознания», между сознанием как явлением социальным и явлением, представляющим собой свойство, функцию несомненно индивидуального мозга, и т. д.

Другого рода препятствие состоит в том, что устройство и «работа» систем, осуществляющих языковую функцию, недоступны непосредственному наблюдению; исходным материалом лингвиста оказывается по необходимости текст, который и наблюдается по преимуществу не в процессе его формирования, а в виде той или иной записи готового текстового продукта, «речевого произведения». Исследователь в своей деятельности «извлекает» из текста (подходя к нему, разумеется, гносеологически «предвзято», с определенным набором познавательных средств) обобщения на основе представленных в нем тождеств и различий его составляющих, и обоб-

щения все более широкого плана, отвлекаясь от всего сугубо индивидуально-ситуативного в совокупностях разных текстов, исследователь проецирует в плоскость языка как явления общественного. Стоит «отвлечься» от вопроса о реальном, материальном механизме, обуславливающем повторение в (индивидуальных) текстах тождественных (и различающихся) элементов, составляющих основу формирования языкового описания, а затем «пренебречь» и принципиальным различием отображения объекта в знании о нем и самого объекта (как бы первое ни воздействовало в обратном порядке на свойства второго), как возникает и укрепляется иллюзия, при которой знание языка и сам язык оказываются «сплюсненными» воедино. Чтобы применять в своей «сиюминутной» речи (социальное!) средство коммуникации — язык общества, единственно обеспечивающий индивиду жизненно важную возможность речевой коммуникации, каждый индивид должен им владеть, то есть должен «содержать в себе» достаточную для своих мыслительных и коммуникативных потребностей часть общей социальной языковой системы, причем совершенно независимо от того, знает ли он свойства этой усвоенной, сформированной в нем функциональной системы, да и сознает ли самый факт владения ею.

Несомненно верно, что «язык вплетен в речь, присутствует в каждом акте речи». ¹³ Важно вместе с тем, что обоснование этого положения с необходимостью предполагает диалектическое осмысление единства атрибутов «социальное» и «индивидуальное» применительно к явлению «язык»; только в этом случае может состояться действительное, а не фиктивное объяснение того, каким образом в индивидуальной речи «присутствует» социальный язык. «Присутствие» языка в речи побуждает некоторых лингвистов вообще отрицать правомерность дихотомии «язык — речь» (понимаемой, по-видимому, в основном как противопоставление, доводимое до разрыва, до взаимного обособления соответствующих явлений). ¹⁴ Рационально в этой позиции, на наш взгляд, то, что во всяком случае в тенденции она направлена на объединение всей «языко-речевой» действительности в рамках предмета языкознания. Незачем, однако, жертвовать во имя этого, какими бы мотивами такое объединение ни направлялось, важным и нужным для многих целей конкретного лингвистического исследования различием

сторон того целого, которое приходится в контексте анализа соответствующей теоретической ситуации именовать составным обозначением «язык-речь». Это различие оправдано необходимыми процедурами анализа элементов текста с учетом их ситуативно-контекстуальных видоизменений, процедурами отвлечения от последних, выявления инвариантных «виртуальных» характеристик представленных в тексте явлений и обобщения этих характеристик в виде утверждений, относящихся к «уровню» языка. Все это — повседневная практика лингвистического исследования. Различение языка и речи имеет и важное значение как познавательное средство «распредмечивания» «речевых произведений», как понятийный инструмент опосредования форм и значений «готовой» речевой «вещи» процессом ее формирования, то есть процессом преобразования элементов языковой системы в элементы речевого акта и в конечном счете «речевого произведения».

Один из источников изменений языка коренится в том, что любое языковое средство, применяемое в речи, применяется в ней не как нечто абсолютно тождественное самому себе, «заранее готовое» как бы в виде запасенных в необходимом количестве на все последующие случаи стандартных экземпляров, а в порядке повторных преобразований определенной «матрицы»-стереотипа (ячейки языковой функциональной системы) в процессе ее собственного воспроизведения; «повторяя себя» в процессе своего воспроизведения, такая кодовая «матрица» в противоположность, например, образу типографского набора или штампа в машине, производящей серию одинаковых изделий, не утрачивает способности к адаптивным видоизменениям, постепенным и, как правило, не нарушающим в процессе эволюции ее тождества самой себе. Существенной стороной речи, не исчерпывающей ее характеристик, но имеющей первостепенное значение для собственно языкознания и побуждающей распространять на речь границы объекта лингвистики, является то, что речь представляет собой языковой процесс (почему, кстати, и высказывания, очень привычные, о языке как «средстве, применяемом в речи», о «присутствии языка в речи» представляются метафорами, далеко не удовлетворительными по части точности передачи сути дела).

Следует добавить, что языковая система, понимаемая

как средство, орудие осуществления определенного типа деятельности (несколько точнее — и смотря по обстоятельствам — действий в структуре деятельности) человека, выступает уже по определению как система служебно-инструментального типа. Это неизбежно выдвигает функциональные свойства всех элементов языка на передний план среди прочих свойств языковой системы. Если субстанциональные признаки системы и ее подсистем и элементов естественным образом лучше различимы и поддаются более полному и точному описанию, когда «движение останавливается» и система рассматривается в ее статическом состоянии, то установление функциональных признаков, в языковой системе во многих отношениях, как известно, отнюдь не изоморфных признакам-различиям субстанциональным, «формам» языковых образований, напротив, требует процессуального ракурса их рассмотрения, их рассмотрения как программ развертывания речевых актов, их группировок по общим особенностям таких программ, осуществление которых и есть исполнение языком его функций.

Излагаемые здесь предпосылки постановки вопросов о связях словообразования и синтаксиса опираются на давнюю традицию. Б. А. Серебренников указывает на то, что «попытки выделить в языке какую-то общую схему, установить некий общий набор каких-либо правил, управляющих многочисленными проявлениями узуса, возникли задолго до постановки проблемы языка и речи в теоретическом плане».¹⁵ Уточним, что это были, пожалуй, не «попытки»: вся практика языковых описаний «наивно-дотеоретического» периода этой деятельности опиралась на указанную предпосылку. Но можно уточнить это высказывание и еще в одном отношении: грамматики, например немецкие грамматики XVII—XVIII вв., имевшие ярко выраженную нормативную направленность, «наивно» и «нетеоретично» полагали «правила», управляющие многочисленными проявлениями узуса, как существующие не в некоем пространстве «объективных идей», а в индивидах, собственно и «управляющих» узусом посредством соответствующих правил, о чем свидетельствует то, что грамматики систематически обращали формулируемые в них правила к читателю, изучающему грамматику, учили его этим правилам. Что касается теоретической разработки затронутых выше вопросов, то она представлена и в западноевропейской, и в отечественной языко-

ведческой традиции многими именами, среди которых нужно прежде всего назвать В. Гумбольдта, ведущих представителей младограмматического направления, Ф. де Соссюра с определенными аспектами его учения, А. А. Потебню, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербу. Крупный вклад этих ученых и научных школ, основывавшихся на их идеях, в развитие лингвистики существеннейшим образом определяется тем, что они постоянно сознавали невозможность отделения, «отчуждения» языка от говорящих на нем индивидов и что, изучая язык человека, они тем самым изучали и самого homo loquens.

Лингвистика «менталистическая» — а иной лингвистика как научное целое, как теоретическая система, независимо от своих отдельных специфически формальных ответвлений, и не может быть, не утрачивая своего действительного объекта, — всегда остается «глубинно», с точки зрения своих действительных исходных предпосылок, и личностной, и психологически ориентированной, придерживается понимания объективности языковых значений как объективности фактов «языкового сознания» говорящих индивидов и совершает при этом совершенно правомерные переходы от индивидуальных «языковых сознаний» (и индивидуальной речемыслительной деятельности) к общественному «языковому сознанию». Афористически заостряя это положение, можно сказать, что лингвистика не может не быть психолингвистикой (то, что она далеко не всегда выступает в этом качестве в своей рефлексии на себя, ничего не меняет). Ученые, вообще резко отмежевывающиеся от всякого «психологизма» в языкознании, сами нередко апеллируют к «языковому сознанию» говорящих как к источнику убедительной аргументации. Ср., например, у В. В. Виноградова: «В понятии слова как системы форм объединяются все формы данного слова — и те, которые образуются окончаниями (флексиями), и те, которые образуются суффиксами (например, *покрыть* — *покры-ва-ть*, *покры-ва-я*, *покры-ва-ющ-ий*, *покрыва-ю* и т. п.). Фактически именно из такого понимания слова исходит каждый носитель современного русского национального языка». ¹⁶ Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что односторонний акцент на существовании языка только «в головах» индивидов и, следовательно, «в голове» каждого отдельного индивида в определенном

отношении неправомерен и нуждается в ограничении: «индивидуальный язык» есть продукт и средство социального взаимодействия индивидов, и внешнее отношение объективно существующего, независимого от индивида социального феномена «язык» к каждому отдельному «носителю» языка, разумеется, полностью сохраняет силу.

Б. А. Серебренников следующим образом резюмирует рассмотрение проблемы отношения «язык — речь»: «...узус во всех его конкретных проявлениях направляется и регулируется системой общественно релевантных стереотипов. ...Весь смысл рассматриваемой проблемы состоит именно в этой регуляции». ¹⁷ Упомянутые здесь «стереотипы» — это и есть языковые средства, элементы языковой системы, «присутствующие» в каждом акте речи в качестве программ собственного воспроизведения в цепочке взаимосвязанных гомоморфных нейродинамических и моторно-акустических перекодировок, в качестве ответа приводящих в действие соответствующие программы у адресата речи, которые обеспечивают ее понимание. ¹⁸

Основное общее отличительное свойство языковых средств, их (объединенного определенными системными связями) инвентаря состоит в их регулярной, систематически подтверждаемой в широких общественных масштабах воспроизводимости. Воспроизводимость элементов языкового инвентаря обеспечивается постоянством их хранения в памяти носителей языка, следовательно, в социальной, коллективной памяти общества людей, говорящих на том или ином языке. Из памяти они «по мере надобности» и «извлекаются» как «заранее готовые», «заданные» говорящим индивидам средства построения речевых высказываний, и «свобода воли» говорящего оказывается существенно ограниченной в отношении к ним: ему приходится выбирать из некоторого количества средств наиболее «подходящие» для его сиюминутных речемыслительных и коммуникативных задач и потребностей. Изложение затронутой стороны проблемной ситуации весьма затруднено тем обстоятельством, что «остается неизвестным целый ряд важнейших закономерностей работы мозга». ¹⁹ Мы очень мало знаем о том, как организована человеческая память, и это вынуждает насыщать относящиеся к ней высказывания метафорическими выражениями, которые, конечно,

далеки от идеала терминологической строгости и точности. Подобные утверждения, с одной стороны, имеют «разведывательный» и гипотетический характер, но, с другой стороны, за ними стоит эмпирическое знание, позволяющее им — именно в этой их нестрогой, осторожно-обобщенной форме — претендовать на достаточно высокий уровень достоверности. Практика лингвистической работы доказывает, что без понятия воспроизводимости языковых образований лингвисту не обойтись;²⁰ свойство их воспроизводимости логически ведет к «хранилищу» воспроизводимого (в другой терминологии — подлежащих «актуализации» «виртуальных» языковых элементов), то есть к памяти человека (соответственно и коллектива людей).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 303.

² Там же, т. 20, с. 43.

³ Вопросу о специфических особенностях естественного языка, придающих ему характер знаковой системы *sui generis*, была посвящена специальная научная конференция в Институте языкознания АН СССР, см.: Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967. 96 с.; см. также: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970 (главы I—III, с. 9—313).

Позиция автора по этому вопросу представлена в работах: Павлов В. М. 1) К вопросу о материальности объекта лингвистики.— В кн.: Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967, с. 74—78; 2) Языковая способность человека как объект лингвистической науки.— В кн.: Теория речевой деятельности: (Проблемы психолингвистики). М., 1968, с. 36—68. Язык, несомненно, будучи, по К. Марксу, «действительным сознанием» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29), самым непосредственным образом связан со всеми психическими функциями человека (отнюдь не только с мышлением,— см.: Леонтьев А. А. Проблема глоттогенеза в современной науке.— В кн.: Энгельс и языкознание. М., 1972, с. 135—157). Вместе с тем все еще следует напоминать об опасности «субстанционализации» идеального, его гипостазирования, против которой предостерегают многие советские философы, ср.: Ильенков Э. В. Идеальное.— В кн.: Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2; ср. также: «...логическая предметность свойств и отношений в сложных случаях может породить иллюзию об их реальной самостоятельной предметности» (Чернов В. И. Анализ философских понятий. М., 1966, с. 19). Когда мы говорим о сознании, следовательно, и о переживаемых как «субъективная реальность» образах не только как о функции мозга, то есть как об осуществляемом им процессе, но и как о «продукте» его функционирования, необходимо указание на неотчуждаемость этого «продукта» от его «производителя»: осознаваемое психическое явление есть субъективное «переживание» процесса, разыгрывающегося в нейрофизиологическом субстрате; предметное содержание этого процесса (отношение отражаемой материи к отражающей) объективируется в языковом знаке как в «форме деятельности»

(Э. В. Ильенков), но не является «продуцируемой» чем бы то ни было самостоятельной сущностью, которая «затем» соединяется с материальным телом знака.

⁵ Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка.— В кн.: *Общее языкознание...* М., с. 85—91.

⁶ Братко А. А., Кочергин А. Н. *Информация и психика*. Новосибирск, 1977, с. 31.

⁷ Смирницкий А. И. *Объективность существования языка*. М., 1954. 33 с.

⁸ Там же, с. 23.

⁹ Там же, с. 13.

¹⁰ О содержании понятия «функциональная система» и его значении для психолингвистики (открывающей возможность его освоения и «собственно» лингвистической теорией) см.: *Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка*. М., 1963, с. 72—73.

¹¹ *Выготский Л. С. Мышление и речь*.— В кн.: *Выготский Л. С. Избранные психологические исследования*. М., 1956, с. 50—51.

¹² *Шерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*.— В кн.: *Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, с. 27.

¹³ *Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка*, с. 89.

¹⁴ Ср.: *Колшанский Г. В. О правомерности различения языка и речи*.— В кн.: *Иностранные языки в высшей школе*. М., 1964, вып. 3, с. 17—27. В отрыве языка от речи обычно упрекают Соссюра. Он дает в «Курсе» основания для этого. Вместе с тем, поскольку Соссюру принадлежат и высказывания, позволяющие утверждать, что он отнюдь не полагал, будто бы языку «по природе» присуще только статическое состояние, следует говорить скорее о резком разграничении и противопоставлении у Соссюра сфер научного знания, нацеленных на язык и на речь, с их особыми задачами, материалом, методами, системами понятий и т. д.

¹⁵ *Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка*, с. 85.

¹⁶ *Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии*.— В кн.: *Вопросы теории и истории языка*. М., 1952, с. 110 (разрядка наша, — В. П.).

¹⁷ *Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка*, с. 90.

¹⁸ В данном случае мы отвлекаемся от того, что «интендируемый» говорящим и понимаемый реципиентом речи смысл ее не определяется полностью примененными в речи языковыми средствами.

¹⁹ *Братко А. А., Кочергин А. Н. Информация и психика*, с. 130. Это случайный пример из массы аналогичных высказываний, встречающихся на страницах научных публикаций.

²⁰ Ср.: *Смирницкий А. И. Объективность существования языка*, с. 17, 21; *Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование*. 2-е изд. М., 1977, с. 151, 153—156.

**2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ «ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» —
НОМИНАТИВНАЯ И СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ. ЛЕКСЕМА И СО-
ЧЕТАНИЕ ЛЕКСЕМ (СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ). НЕ-
ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ВЗАИМНООДНОЗНАЧНЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ
ФОРМ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ
С ФУНКЦИЯМИ ЛЕКСЕМЫ И СОЧЕТАНИЯ ЛЕКСЕМ**

По вопросам внутреннего упорядочения языковых явлений, первым шагом которого, естественно, должно быть различие в их общей массе каких-то основных типов разнокачественных образований, мы сталкиваемся в языкознании с большой разноголосицей. Мы не будем перечислять здесь различные подходы к решению вопросов об «устройстве» языка и систематизации частей, выделяемых в этом «устройстве», подходы, обсуждаемые в лингвистической литературе, а ограничимся изложением той точки зрения, которая представляется наиболее соответствующей обрисованному выше пониманию связи языковой системы с ее «носителем» — человеком и человеческим коллективом, то есть отношения рассматриваемой системы и ее надсистемы, обязательный учет которого является одним из категорических требований системного подхода к исследуемым объектам.

Понятие «функций» языка просто, но достаточно точно эксплицируется вопросом «чему служит?» (или: «для чего, с какой целью употребляется?»; «выполнение какой более общей или более частной задачи — задачи человека, употребляющего язык, — обеспечивает?»). Из фундаментальных функций языка — коммуникативной функции и функции формирования и выражения мысли — выводимы основные частные функции, определяющие разнокачественный состав и направление главного «сечения» языковой действительности. Эти основные частные функции — функция обозначения отдельных «фрагментов» мира и функция соединения языковых знаков, элементарных с точки зрения функции «означения»,

в микросистемы предложений, которые в отличие от означения как такового выражают то или иное активное личностное отношение конкретного говорящего в конкретной ситуации речи к отображаемому фрагменту действительности. Иерархически главенствующий характер такого «сечения» инвентаря языковых средств находит привычное выражение в, пожалуй, почти общепризнанном выдвигании «слова» и «предложения» на положение «основных», «центральных», «ведущих» типов языковых единиц. О том, что это положение со стороны понятия (и термина) «слово» неадекватно схватывает существенные признаки разграничения, о котором здесь идет речь, нам еще придется обстоятельно говорить, но оно, во всяком случае в тенденции, верно, если в «слове» подчеркивать функциональный признак дискретного языкового знака, присвоенного осознаваемому как некоторая «отдельность» субъективному отражению «кусочка» объективной действительности независимо от морфологических особенностей так понимаемого «слова».

В установках пражской лингвистической школы — ее принципиальный функционализм общеизвестен — основные частные языковые функции определяются как номинативная и как синтагматическая деятельность. В. Матезиус говорит о «номинации» и о «соотнесении», а основывающиеся на этом фундаментальном различии лингвистические дисциплины он называет «функциональной ономотологией» и «функциональным синтаксисом».¹ Имея в виду не виды «языковой деятельности» как таковой (и не соответствующие им лингвистические дисциплины), а типы самих языковых явлений, различных этим первым дихотомическим членением языка, следует говорить о разграничении явлений лексики и синтаксиса.

То, что любые «планы» языковой системы предусматривают не только разграничения ее «частей», но и возможности таких «сцеплений» между ними, таких областей их взаимодействия, где происходят своеобразные «взаимообмены» соответствующими типами образований, объединения образований, в целом определяемых как разнокачественные, на основе отдельных присущих им общих признаков, на деле массой лингвистов всегда признавалось. Это не отменяет, однако, необходимости в таком представлении структурного «плана» языковой системы, в котором каждый из ее основных блоков